РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая наука 4 2011

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Москва
2011

Журнал «Политическая наука»

Ростислав Туровский

Политическая наука №4/2011 г. Региональное измерение политического процесса

«Агентство научных изданий»

2011

УДК 32
ББК 66.0

Туровский Р. Ф.

Политическая наука №4/2011 г. Региональное измерение политического процесса / Р. Ф. Туровский — «Агентство научных изданий», 2011 — (Журнал «Политическая наука»)

Представлены современные подходы к исследованию регионального измерения общенациональных политических процессов и федеративных отношений. Рассматриваются возможности и ограничения формирования российской модели федерализма. Анализируются особенности региональных политических процессов, региональных политических систем. Особое внимание уделено электоральной географии в России. Предназначено для исследователей-политологов, преподавателей и студентов вузов.

УДК 32
ББК 66.0

© Туровский Р. Ф., 2011
© Агентство научных изданий, 2011

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ 5
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ 7
О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ 1 7
КРИТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА: ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ И ОПЫТ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Ростислав Туровский Политическая наука №4/2011 г. Региональное измерение политического процесса

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной номер журнала «Политическая наука» посвящен региональному измерению политического процесса. Представленные в этом номере работы относятся к трем близким политологическим субдисциплинам – политической регионалистике, политической географии и геополитике. В них обобщаются достижения и проблемы обозначенных субдисциплин, содержатся результаты эмпирических исследований ведущих российских авторов, а также известных зарубежных специалистов по российской политике.

Открывает номер наша традиционная рубрика «Состояние дисциплины», которая включает статьи ведущих российских специалистов в области политической регионалистики и политической географии. В статье Р.Ф. Туровского «О состоянии и перспективах политической регионалистики» рассматривается проблема операционализации основных понятий политической регионалистики, включая понятие «политический регион», определяется предметное поле этой политологической субдисциплины, говорится о возможностях и проблемах включения российской политической регионалистики в систему мировой политической науки. Работа В.А. Колосова «Критическая геополитика: Основы концепции и опыт ее применения в России» посвящена эволюции зарубежной геополитики и важнейшему направлению этой субдисциплины – критической геополитике. Статья знакомит читателей с происхождением и основами этого направления и обозначает перспективы его использования в России, где пока критическая геополитика не получила достаточного распространения.

Вторая рубрика «Идеи и практика: Федерализм в России» включает в себя статьи, в которых рассматривается соотношение идей и моделей с конкретной политической практикой. В настоящем номере работы известных специалистов из России и Великобритании, объединенные в рубрику, посвящены особенностям федеративных отношений современной России. В статье И.М. Бусыгиной «Модель центр – периферия, федерализм и проблема модернизации российского государства» главное внимание уделено отношениям между центром и периферией в российской политике, создающим существенные ограничения для процессов федерализации и демократизации. В раздел вошла также специально подготовленная для «Политической науки» статья профессора Университета Данди К. Росса «Кризис российского федерализма», в которой рассматриваются тенденции централизации и отхода от принципов федерализма, характерные для российской политики 2000-х годов. Работа М.Х. Фарукшина «Состояние российского федерализма: Взгляд из региона» раскрывает проблемы федерализма в России с позиций специалиста, живущего в Татарстане, регионе, который сыграл огромную роль в процессах становления федеративных отношений.

Материалы, объединенные в третьей рубрике «Контекст: Региональная и национальная политика», посвящены осмыслению некоторых условий современной российской региональной политики и ее особенностей. Концептуальные политико-философские подходы к пониманию этнополитических проблем и этнического национализма в современной России, а также перспективы их пересмотра представлены в статье сотрудника Кембриджского университета Е. Чебанковой «Этнотерриториальные проблемы России: Вопросы и парадигмы». Проблемы рос-

сийского Дальнего Востока и несбалансированности его развития являются предметом статьи владивостокских авторов А.Б. Волынчука и А.П. Крепского «Лебедь, рак и щука» как модель социально-экономического развития Дальневосточного региона».

В настоящем номере журнала появилась новая рубрика «Первая степень». Стремясь поддержать инициативу создания одноименного журнала, в котором публиковались бы работы начинающих исследователей, а также поддержать способную молодежь, редколлегия журнала приняла решение в каждом номере специально представлять работы аспирантов, соискателей и талантливых студентов. И.Ю. Окунев в статье «Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств)» анализирует роль пространственных факторов суверенности на примере микрогосударств. В статье А.А. Гончарика «Региональная идентичность в политическом анализе процессов регионализации и формирования регионов» регионы и методы их изучения рассматриваются с точки зрения процессов формирования региональной идентичности. Статья Н.Ю. Лукс «Специфика взаимоотношений бизнеса и власти на региональном и муниципальном уровнях в условиях Крайнего Севера (на примере ОАО ГМК «Норильский никель»)» представляет результаты эмпирического исследования в двух российских регионах – Красноярском крае и Мурманской области.

Рубрику «Научные дебаты» составили материалы «круглого стола», состоявшегося в ИНИОНе в ноябре 2010 г. в рамках ежегодной конференции Российской ассоциации политической науки и посвященного анализу политических режимов в ряде субъектов Федерации. Свое видение подходов к анализу региональных политических режимов и результаты исследований своих субъектов Федерации представили политологи из Бурятии (Э.Д. Дагбаев), Республики Коми (В.А. Ковалёв), Республики Марий Эл (Е.В. Суслов), Алтайского края (Ю.Г. Чернышов), Краснодарского края (А.В. Баранов), Кемеровской (А.М. Барсуков и С.В. Бирюков), Нижегородской (А.В. Дахин), Рязанской (В.С. Авдонин) и Саратовской областей (О.С. Скороходова).

Еще одна новая рубрика для журнала – «Представляем исследовательские проекты». При ее создании редколлегия исходила из того, что анализ состояния политической науки предполагает наряду с иной научной продукцией представление и обобщения эмпирических исследовательских проектов, в том числе из разряда «серой» литературы. В данном номере публикуется работа И.В. Задорина и Д.Г. Зайцева, обобщающая результаты уникального социологического исследования группы «Циркон», посвященного восприятию федерализма, отношений между центром и регионами, региональной политики рядовыми гражданами и экспертами в четырех регионах страны. Данное исследование проводилось в рамках нового крупного проекта Горбачёв-фонда «К новой модели российского федерализма: Взгляд из регионов», с целями и ходом которого можно ознакомиться в материале О.М. Здравомысловой и А.В. Рябова.

В номере журнала читатели также могут ознакомиться с презентацией ведущего тематического журнала «Федерализм», обзором учебных пособий по политической регионалистике и рецензией на книгу известного аналитика В.В. Иванова «Глава субъекта Российской Федерации. Правовая и политическая история института (1990–2010)».

Р.Ф. Туровский

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ [1]

Р.Ф. ТУРОВСКИЙ

Политическая регионалистика в России имеет уже относительно давнюю историю, но до сих пор еще не сложилось единого представления о ее теории и методах [см. Медведев, 2005; Бусыгина, 2006; Туровский, 2006]. Подобная ситуация неудивительна, поскольку политическая регионалистика в ее нынешнем виде имеет сложносоставной характер, объединяя теоретические и прикладные работы, которые могут быть отнесены к целому ряду различных политологических субдисциплин. Остается актуальным вопрос, является ли это объединение формальным, т.е. условно включающим в себя региональные исследования разных субдисциплин, или содержательным, т.е. позволяющим говорить об отдельном и по своему консолидированном направлении в политологии. И, с другой стороны, совершенно необязательно все работы, в которых говорится о регионах, должны считаться регионалистикой.

Безусловно, ключевую роль в решении теоретико-методологических проблем должно играть создание определенных представлений о политическом регионе как об основном понятии, вокруг которого должна формироваться политическая регионалистика. Кроме того, проблемой является отсутствие у нашей политической регионалистики аналога в западной политической науке, что делает необходимым поиск точек соприкосновения с теми направлениями в западной политологии, которые ей наиболее близки.

В частности, западное направление научных изысканий, известное как regional science, т.е. региональная наука в буквальном переводе, или регионалистика, как ее тоже можно было бы перевести, на практике достаточно далеко от российской политической регионалистики. «Региональная наука» обычно понимается на Западе в двух своих версиях. Во-первых, как междисциплинарный диалог представителей различных социальных наук, занимающихся так или иначе региональными исследованиями и сравнениями (задачу организации такого диалога ставит перед собой Международная ассоциация региональной науки). Но сам по себе этот диалог не создает новую науку, а только способствует обмену знаниями. Во-вторых, как разновидность региональной экономики, где региональный анализ проводится, как правило, на основе количественных методов, где внимание уделяется пространственным особенностям экономики и территориальному планированию, формированию городских и региональных экономических систем [Изард, 1966]. Это направление возникло в США и связывается с именем У. Изарда, основателя Международной ассоциации региональной науки в 1954 г. Но в данном случае региональная наука – это экономическая регионалистика, а совсем не политическая, и ее методы политической регионалистике в основном не подходят.

Наиболее близким аналогом политической регионалистики из числа устоявшихся научных направлений с определенными оговорками может считаться политическая география, с которой у политической регионалистики существует множество пересечений [см. Туровский, 1999; Колосов, Мироненко, 2001; Elazar, 1999; Jones, Jones, Woods, 2004]. В теории любое политическое явление в его пространственном измерении может оказаться предметом поли-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Современная эволюция политических систем и режимов в регионах России: Сравнительный анализ», проект № 10-03-00074а.

тической географии. Власть и политика, соотнесенные с пространством, территорией, местом, исследуемые в связи с их локализацией и межрегиональными различиями, изучаются именно политической географией. Для западной науки такое понимание политической географии является широко распространенным и естественным.

В то же время политическая география и политическая регионалистика не являются синонимами. Одна из причин различий между ними связана с тем, что политическая регионалистика исторически возникла в России как политологическая субдисциплина, а не географическая, и потому в большей степени использует методы политологии и социологии, добавляя к ним методы географические. Другая причина в том, что в реальности политическая география при всем потенциале в очень разной степени использовала свои возможности на разных научных направлениях.

Остановимся на второй причине подробнее. Для политической географии особенно большое значение имеет исследование физического пространства с точки зрения его делимитации, проведения и прохождения в нем определенных границ, причем не только политико-административных. Также традиционно физическое пространство понимается политической географией как стимул и как ограничение для политической активности, что, в частности, привело к развитию геополитики, к изучению государства с точки зрения его границ и экспансии.

В последние десятилетия для политической географии важными стали новые темы, являющиеся притом реакцией на старые. Политическая география стала интересоваться не столько политическими границами, как в «старой» парадигме, сколько преодолением этих границ. Тема трансграничного взаимодействия приобрела по этой причине особое значение для политической географии, позволяя рассматривать не только государства, но отношения политических акторов разного типа, распространение по планете идей и политических изменений. Произошло преодоление априорного государствоцентризма, типичного для прежней политической географии. Одновременно с этим политическая география осваивала проблематику организации власти в государстве, что привело к появлению географии управления [Бабурин, Мазуров, 2000].

Таким образом, для политической географии имеет огромное значение тема, которая как раз для политической регионалистики главной не является, – границы в физическом пространстве, их формирование, споры по поводу этих границ и, наконец, преодоление этих границ за счет развития трансграничных взаимодействий. Кроме того, политическая география смыкается с исследованиями международных отношений и, по сути, должна уделять значительное внимание их теориям. Надо заметить, что проблематика внутригосударственного административно-территориального деления, будучи политико-географической по сути и крайне важной для политической регионалистики, в политической географии оказалась не столь развитой, как тема межгосударственных отношений в физическом пространстве.

Говоря теперь о структуре политологии, следует, на наш взгляд, выделить и обосновать два направления, каждое из которых в той или иной степени развито на Западе и составляет определенную часть российской политической регионалистики.

Первое из этих направлений будет правильнее всего назвать сравнительным федерализмом и регионализмом. На практике наибольшее развитие получил сравнительный федерализм, что связано, в частности, с тем, что такой важнейший центр развития политологии, как США, является федерацией. Для американской политической науки изучение федерализма и на своем опыте, и в сравнительной перспективе имеет огромное значение, что привело к возникновению огромного пласта соответствующей литературы [King, 1982; Elazar, 1997].

При этом в изучении федерализма возникли свои развилки. Например, с одной стороны, рассматриваться может федеративная идея, т.е. федерализм как принцип общественного устройства, который возводят к средневековым европейским теориям (прежде всего

такой классик, как Й. Альтузиус [см. Althusius, 1995]) и американским авторам времен создания США. С этой точки зрения федерализм не обязательно является территориальным, т.е. предполагающим наличие административных регионов – субъектов федерации. Скорее, он предполагает объединительные процессы в обществе, формирование социальных групп на основе определенных критериев и идентификаций и складывание договорных отношений между этими группами. Эти процессы необязательно означают складывание территориальных субъектов федерации. С таким пониманием федерализма связаны, в частности, идеи экстерриториального федерализма (например, О. Бауэр и К. Реннер в Австро-Венгрии говорили о федерализме в контексте формирования этносоциальных сообществ [см.: Bauer, 2000]) и социологического федерализма, являющегося результатом стихийной, идущей снизу общественной организации [Dahl, 1983].

С другой стороны, федерализм можно рассматривать как управленческую модель, и в этой связи изучать отношения между центром и регионами, разграничение полномочий между ними и другие особенности взаимодействия. Такой менеджериальный подход к федерализму в XX–XXI вв. стал наиболее распространенным в связи с резким увеличением числа федеративных государств и отсутствием во многих из них тех идей и принципов возникновения федерализма, которые считались классическими.

Менеджериальный федерализм важен для политической регионалистики тем, что предполагает рассмотрение отношений между территориально-политическими уровнями в государстве и соответствующими им органами власти. Огромное значение в этой связи имеет понятие межправительственных отношений (intergo-vernmental relations [см. Elazar, 1997]), которое широко используется в исследованиях федерализма на Западе. Правда, приходится делать оговорку, что речь идет об отношениях между правительственными органами внутри государства, а не о международных отношениях, как привычнее понимать межправительственные отношения. Появление понятия межправительственных отношений связано с развитием в США с 1930-х годах концепции кооперативного федерализма, предполагающего тесные отношения между центром и субъектами Федерации, в отличие от более ранней концепции дуалистического федерализма.

При этом понятие межправительственных отношений и более широкое понятие – отношений между территориально-политическими уровнями (мы предлагаем называть их межуровневыми отношениями) – дает возможность рассматривать «вертикальные» отношения в самых разных вариантах и сочетаниях. В частном случае межправительственных отношений при федерализме главное внимание уделяется центро-региональным отношениям. Но во внимание можно принимать наднациональные уровни, а также локальные. Это дает возможность рассматривать такие комбинации отношений, как центро-локальные и центро-регионально-локальные внутри государства, а еще, например, глобально-локальные и глобально-региональные в связи с включением субнациональных сообществ и регионов в трансграничные отношения и процессы глобализации. Формирование наднациональных органов управления, как, например, в Европейском Союзе, привело к появлению концепции многоуровневого управления, в котором задействованы сразу три правительственных уровня – наднациональный, национальный и субнациональный [Hooghe, Marks, 2001]. Разумеется, межправительственные отношения составляют только часть всей этой совокупности политических взаимодействий, в которых могут участвовать и неправительственные акторы.

Проблематика межправительственных и шире – межуровневых отношений позволяет выйти за рамки классической темы федерализма и включить в рассмотрение политической регионалистики всю совокупность государств, как федеративных, так и унитарных, поскольку почти каждое государство имеет определенную внутреннюю территориальную структуру. В частности, процессы передачи полномочий от вышестоящих уровней к нижестоящим приводят к различному соотношению их централизации и децентрализации в разных государствах

[Туровский, 2007]. Эти процессы описываются в терминах деконцентрации и деволюции, которые приводят к формированию децентрализованных унитарных государств, отчасти напоминающих федеративные, что, как мы полагаем, размывает границу между федеративными и унитарными государствами [Rousseau, Zariski, 1987]. В этих условиях рассмотрение проблематики сравнительного федерализма становится чересчур узким и искусственным, в результате чего возникает потребность в более широком направлении – сравнительного регионализма.

Понятие «регионализм» является многозначным и требует большей определенности. Регионализм имеет различные толкования, в частности он, например, может пониматься как определенная идеология, основанная на политизации региональной идентичности. Регионализм рассматривают также в контексте отношений между центром и регионами, характера и степени региональной политической субъектности. Так называемый «старый» регионализм склонен рассматривать субнациональный регион как часть и производную от государства, которая находится под контролем центра. При «новом» регионализме государство отказывается от курса на централизацию, давая регионам возможность самостоятельно развивать свои экономические отношения и включаться в глобализационные процессы [Keating, 1998].

Для политической регионалистики, на наш взгляд, регионализм – это, прежде всего, пространственная структура политических отношений, представленная в физическом пространстве в виде как административных регионов, так и иных политических субъектов, так или иначе выраженных на территории.

Таким образом, сравнительный федерализм и регионализм как направление в политической регионалистике предполагают рассмотрение взаимодействий между географически выраженными политическими субъектами. Обычно исследование проводится в рамках отдельно взятого государства. Также возможным является изучение связей между региональными / локальными субъектами внутри государства и «внешними» субъектами (другие государства, наднациональные структуры, региональные / локальные субъекты других государств), как при участии центра (государства в целом), так и напрямую. При таком подходе политическая регионалистика «улавливает» функционирование трансграничных сетевых структур. Одним из географически выраженных субъектов в государстве является центр, условное образование, представляющее собой и территорию (столица), и уровень (государство в целом).

В этой связи в политической регионалистике становится возможным как направление вертикальное (отношения между территориально-политическими уровнями), так и горизонтальное (связи между субъектами на одном уровне). И то, и другое направление присуще исследованиям федерализма и межправительственных отношений. Как важный частный случай этот подход предполагает рассмотрение региональной политики центра, объектом которой являются территории.

Кроме того, на наш взгляд, можно выделить три смежных с политической регионалистикой направления. Первое – это бюджетный (фискальный) федерализм [Oates, 1972], который сближает политическую регионалистику и региональную экономику. Развитие этого направления на практике оказалось очень важным и большим по причине влияния экономистов и широкого использования экономических данных в исследованиях региональной политики и федерализма. Собственно политический смысл этих исследований заключается в определении ресурсов и степени самостоятельности территорий. Неизбежно это затрагивает и локальный уровень, т.е., в сущности, речь идет не о двух-, а о трехуровневых финансово-экономических отношениях.

Вторым смежным направлением является рассмотрение наднациональных (супранациональных) территориально-политических систем, примерами которых являются конфедерации и им подобные образования. Эмпирически основной темой в рамках этого направления стала европейская интеграция, формирование и функционирование Европейского Союза, исследования европейского федерализма. В отличие от «обычной» политической регионалистики дан-

ное направление предполагает также изучение международных отношений и применение их теорий.

Третье смежное направление – это изучение организации управления в сегментированных (многосоставных, или plural, англ.) обществах, исследование консоциаций (consociation, англ.), сообщественного (консоциативного) правления [Лейпхарт, 1997]. Федерализм является частным случаем такого управления, предусматривая, в частности, организацию квотированного регионального представительства на федеральном уровне. Главный интерес представляет распределение общенациональной власти на основе принципов консенсусного правления, предполагающее формальные и неформальные квоты во власти, определенный динамический баланс распределения власти между частями, на которые делится общество и/или его элита (этническими, конфессиональными, территориальными и пр. сегментами). Данная проблематика близка к политической регионалистике, но при этом сегменты, участвующие в распределении власти, необязательно имеют территориальную привязку.

Второе базовое направление в политической регионалистике можно назвать кроссрегиональной сравнительной политологией. Кроссрегиональные сравнения могут проводиться как в пределах одного государства, так и для регионов в различных государствах. Для этого направления наиболее важными являются концепции политического режима и политической системы. Довольно часто политическая регионалистика рассматривается как разновидность сравнительной политологии, перенесенная на субнациональный уровень. В действительности к сравнительной политологии имеет отношение только часть политической регионалистики. Притом эта часть пока остается слабо развитой, как в сравнении с классической – кросснациональной сравнительной политологией [Сравнительная политология сегодня, 2002], так и в сравнении с исследованиями федерализма. В стадии разработки и апробации до сих пор находятся концепты, представляющие собой производные от тех, которые применяются в «обычной» сравнительной политологии, такие как региональная политическая система, региональный политический режим и региональная партийная система [см. Россия регионов, 2000; Нечаев, 2000; Кузьмин, Мелвин, Нечаев, 2002; Туровский, 2009].

Дальнейшее совершенствование теоретико-методологической основы кроссрегиональной сравнительной политологии имеет огромное значение, в том числе для российской науки. Проблема в том, что в российских регионах с начала 1990-х годов проводилось и проводится огромное количество эмпирических исследований, накоплен большой объем материала по региональным политическим акторам, что контрастирует со слабостью отечественной теории и ее фактическим отсутствием в западной науке, ограниченными возможностями для ее заимствования. Для западной науки не характерно специальное рассмотрение региональных производных от политических систем и режимов, и куда более развитым является предыдущее направление политической регионалистики. В этих условиях опора на западную науку позволяет только с разной успешностью использовать на региональном уровне разработки транзитологии (что было актуально в 1990-х годах), теорий демократии, разделения властей, авторитаризма и т.п.

Потребность в развитии кроссрегиональной сравнительной политологии и в повышении научной значимости эмпирических региональных исследований может быть, на наш взгляд, реализована за счет использования концепции регионального политического режима. В своих работах ранее мы предлагали методологию анализа региональных политических режимов с помощью четырех осей: «автономия – зависимость», «демократия – авторитаризм», «моноцентризм – полицентризм» и «консолидация – конкуренция» [Туровский, 2009; Turovsky, 2010].

Смежной для кросснациональной сравнительной политологии является такая дисциплина, как региональное и местное управление (субнациональное управление). Она предполагает исследование органов публичной власти и публичных служб на субнациональных уровнях. Интересны их полномочия (т.е. анализ законодательства, местных нормативных актов), внут-

ренняя организационная структура, рекрутирование и профессиональная подготовка кадров, что сближает политическую регионалистику с теориями управления и бюрократии. Для политологии в целом и политической регионалистики в частности важно, чтобы субнациональное управление рассматривалось в политическом интерьере, т.е. не сводилось к анализу бюрократии и ее функционирования, а предусматривало исследование всей социально-политической среды, партий и групп влияния, электората и избирательного процесса, вопросов легитимности и эффективности власти и т.д. При таком подходе исследование субнационального управления возвращает нас к необходимости использования концепций региональных политических систем и режимов.

Говоря об обоих обозначенных выше направлениях политической регионалистики, следует еще раз акцентировать важность сравнительных исследований. Рассмотрение отдельных территориальных кейсов на субнациональном уровне явно недостаточно, поскольку не позволяет приходить к глубоким выводам ни о межуровневых отношениях, ни о региональных политических режимах. Поэтому пример отдельно взятого региона еще не является политической регионалистикой. Серьезное исследование появляется в случае сравнения регионов по определенным признакам и выявления причин различий между ними. Отдельно взятый случай может быть объектом исследования, если он помещается в пространство имеющихся сравнительных исследований и выявленных ими закономерностей.

Подводя итоги рассмотрению двух базовых направлений в политической регионалистике, отметим, что для достижения необходимой стыковки с западными политологическими исследованиями наиболее удобными являются два концепта, по каждому из которых, однако, следует выработать общепризнанное их понимание. Во-первых, это концепт межправительственных отношений, который, впрочем, подлежит расширению до межуровневых отношений (в последнем случае он стыкуется с концептом многоуровневого управления) и за счет введения в анализ неправительственных акторов. С его помощью удобно рассматривать федеративные отношения и регионализм любого рода. Главным условием является наличие у субъектов рассматриваемых взаимодействий географической составляющей.

Во-вторых, это концепт региональной политики, который применим как для первого, так и для второго направления политической регионалистики. В первом направлении региональная политика понимается более привычным для российской науки и политической практики образом, а именно как политика, которая проводится центром в отношении регионов. Во втором направлении региональная политика больше соответствует западному понятию regional politics, которому в отечественной литературе ближе понятие регионального политического процесса. Другими словами, это определенный территориальный уровень политических взаимодействий. По аналогии может использоваться понятие local politics, не нашедшее пока своего места в российской науке (как «локальная политика»), но вполне операциональное для политического анализа на местном уровне (особенностью и отличием которого является значимая роль межличностных политических взаимодействий).

Таким образом, политическая регионалистика как субдисцип-лина российской политической науки может быть и внутренне консолидирована, и совмещена с западной наукой следующим образом. Для внутренней консолидации субдисциплины требуется разработка понятия политического региона (см. ниже). Для политической регионалистики возможны как вертикальное (межуровневые отношения), так и горизонтальное (рассмотрение территориальных субъектов на одном уровне) направления исследований. При этом принципиально важным для горизонтального направления является использование сравнительного подхода.

Одним из западных аналогов российской политической регионалистики являются исследования федерализма, регионализма, межправительственных отношений и многоуровневого управления. Другим аналогом является изучение региональной и локальной политики (как политических процессов и взаимодействий), требующее дальнейшей разработки, перспективы

которой, на наш взгляд, связаны с концепциями региональных политических систем и режимов, региональных партийных систем.

Следует, однако, иметь в виду серьезные проблемы, которые препятствуют развитию политической регионалистики и характерны именно для западной социальной науки, учитывая тенденции ее развития в XIX–XX вв. Можно выделить четыре такие проблемы.

Первая – это этатистский, государствоцентрический подход. Прежде всего, это – образ мышления части политиков, влияющий, однако, на науку. В соответствии с этим подходом региональное начало и разнообразие должны быть нивелированы. Регионы зачастую рассматриваются в терминах региональных угроз национальной безопасности, а не региональных интересов. Этатизм весьма типичен для политических практик, начиная с эпохи создания европейских национальных государств.

Вторая проблема – антикоммунитаристский подход (как мы его условно именуем), являющийся очень характерным для мейнстрима западной социальной науки. Этот подход зародился еще в XIX в., когда социология в процессе своего формирования стала отрицать общину, локальный и региональный партикуляризм, противопоставляя им формирование общества как нового социального явления и единого целого, складывающегося, как правило, в государственных границах. Примером служит социология Ф. Тенниса с его дихотомией общества (Gesselschaft) и общины (Gemeineschaft). Сложилась доминирующая социологическая и политологическая традиция, выразителями которой стали такие важнейшие фигуры, как Т. Парсонс, С. Липсет, Г. Алмонд, С. Хантингтон и др. В соответствии с этой традицией община с ее партикуляризмом и внутренним коллективизмом воспринимается как рудимент прежних эпох, на место которого приходит общество как структурированная социальная система. Увлечение процессами создания обществ, связанных с определенными государствами, национального строительства (nation building, англ.) способствовало появлению определенных акцентов в научном дискурсе, которые не могли способствовать развитию регионалистики. Не было места для специального анализа регионализации и в марксистской науке, которая по-своему изучала те же государство и общество, траектории их исторического развития.

Парадоксально или нет, но антикоммунитаристский подход активно развивался в американской науке, хотя, казалось бы, в условиях федеративного государства, да еще и с развитым местным самоуправлением это нелогично. Однако ведущие американские авторы, напротив, интересовались формированием в условиях такого исходного многообразия развитой и географически единой политической / социальной системы, структурированной через подсистемы [Парсонс, 2002], а не территории, и отличающейся гомогенностью политической культуры, а не ее региональным многообразием (Г. Алмонд и С. Верба ассоциируют политическую культуру с обществом в целом, не уделяя внимания региональному разнообразию, хотя оно вполне может вытекать, например, из географии партийных предпочтений [см. Almond, Verba, 1963].

При этом формирование общества понималось как процесс прогрессивный. Например, политическая модернизация, по С. Хантингтону, связана среди прочего с «заменой большого числа традиционных, религиозных, родовых, этнических, политических авторитетов единым светским, национальным политическим авторитетом» [Хантингтон, 2004, с. 52]. По сути, сохранение локальных политических начал при таком подходе противоречит модернизации. Либо это должны быть локальные начала совершенно иного, модернизированного типа, т.е. основанные на рационализации авторитета. Но рационализированный авторитет не обязательно бывает только общенациональным. В целом антикоммунитаристский подход склонен рассматривать государство как консолидированную и достаточно однородную территорию, не принимая во внимание внутренние различия и ассоциируя политические явления с «государством в целом».

Третья проблема – историцизм, типичный для социальных наук, основа и логика которых традиционно были связаны с рассмотрением социальных процессов в темпоральной динамике.

Социальная наука видела и изучала прежде всего процесс, естественным образом соотнося его с крупными территориальными единицами, такими как государства. Подобный формат социальных исследований не мог не приводить к искажениям при анализе единого пространственно-временного континуума с недоучетом пространственных различий (равно как и локальной истории, ход и смысл которой мог отличаться от «общенационального»).

Наконец, четвертой проблемой является естественным образом произошедшее смещение полюса активности социальной и политической науки в сторону западных стран. В данном случае мы не имеем в виду ни спор между «западниками» и «антизападниками», ни призывы к созданию собственных теорий, методик и пр. для обоснования особого пути России. Речь идет, во-первых, о проведении основной части исследований, на основе которых рождаются теории и методы, на примерах западных обществ, т.е. о крайне ограниченной географии политических исследований и, в частности, о крайне слабой изученности России. Во-вторых, о нормативных аспектах отношения к западному опыту как передовому. Как результат могут возникать разнообразные неточности в российских исследованиях – рассмотрение России как отклонения от нормы с неизбежными негативными коннотациями, создание доморощенных концепций, не учитывающих достижения западной науки, некритический и не адаптированный перенос концепций, разработанных на примерах западного общества, и т.п.

В целом из вышесказанного следует, что политическая регионалистика не вписывается в традиционный мейнстрим социально-политических наук. С этой точки зрения федерализм, регионализм, локализм и прочий территориальный партикуляризм представляют собой периферийные и/или устаревшие направления в науке. Но в действительности указанные выше «проблемы роста» политической регионалистики преодолимы, и их преодоление вполне возможно в связи с более новыми тенденциями в развитии политической науки (включая теорию постиндустриального общества, постмодернизм, сетевой подход и др.).

В конце XX в., например, одним из ключевых социологов, выступивших за преодоление историцизма, стал Э. Гидденс, разработавший, в частности, концепцию регионализации, которая, по сути, противостоит прежним представлениям об унификации общества. По его мнению, регионализация – это «темпоральная, пространственная или пространственно-временная дифференциация регионов внутри локальностей[2] или между ними; понятие регионализации представляется нам существенным, ибо уравновешивает предположения, согласно которым общества определяются как стабильно гомогенные, унифицированные системы» [Гидденс, 2005, с. 500].

Рассмотрим теперь понятие политического региона как объединяющее для всех направлений политической регионалистики. Чаще всего регион понимается как территория с определенными границами, т.е. как административно-территориальная единица в составе государства (транснациональные регионы мы здесь не рассматриваем). Но при этом за скобками остается вопрос о политической субъектности административно-территориальных единиц, понимание которой приходит при рассмотрении не столько «данной» территории, входящей в некий официально утвержденный список, сколько местного сообщества и его политических характеристик, совокупности политических акторов, сосредоточенных в административных границах. Для политической регионалистики важнее всего определенность в том, каким образом те или иные структурные единицы в физическом пространстве с их населением обретают политическую субъектность и вовлекаются во взаимодействие.

Политический регион является разновидностью региона, который представляет собой более общее понятие. В других социальных науках говорят о своих разновидностях регионов –

[2] В оригинале Э. Гидденс использует понятие locale, которое можно перевести как место действия (в русском варианте его книги «Устроение общества» locale переводится как «локальность»). Locale определяется как «физический регион, охватываемый как часть ряда взаимодействий, имеющий определенные границы, которые помогают сконцентрировать взаимодействие тем или иным образом» [Гидденс, 2005, с. 499]. – *Прим. автора.*

экономических, исторических, культурно-этнических и т.п. Для политологии это важно по той причине, что регионы разного типа и происхождения могут частично или полностью совпадать друг с другом в физическом пространстве. Анализ соотношения регионов политических и регионов другого типа позволяет рассматривать влияние на политическую регионализацию со стороны экстраполитических переменных экономического и историко-культурного характера, например в случае политизации экономических или культурных требований.

По нашему мнению, возможны три подхода к политическому региону, каждый из которых имеет свои операциональные характеристики, свои достоинства и недостатки.

1. Политико-административный подход

Этот подход является наиболее типичным. В соответствии с ним политический регион представляет собой управленческую единицу, т.е. регион создают официально определенные административные границы, в пределах которых действует власть, обладающая определенными полномочиями. Изучение устройства региональной власти и ее отношений с властями других территорий, включая центральную власть, находится в основе политико-административного подхода. Кроме того, в целом, в соответствии с этим подходом, любые локализованные политические взаимодействия рассматриваются как характеристика определенного административного региона, в границах которого они протекают, или в границах которого формируются и действуют политические акторы.

В соответствии с этим подходом регионы можно рассматривать как субъекты межуровневых (межправительственных, федеративных и т.п.) отношений, выявлять особенности расположенных в их границах политических режимов и т.п. Но, в сущности, в качестве региона рассматриваться будут прежде всего региональные власти и региональное нормотворчество. В то же время политико-административные регионы не всегда обладают ярко выраженной политической субъектностью, не обязательно у них есть свое лицо, отличия от других подобных регионов.

2. Политико-системный подход

Данный подход основан на положении о том, что политические регионы формируются вокруг определенных интересов, наличие которых является основным консолидирующим фактором для отдельно взятых регионов, а различия между которыми создают региональное разнообразие. При таком подходе ключевая регионо-образующая категория – это региональный интерес, и политический регион представляет собой разновидность группы интересов. Наличие собственных интересов, имеющих определенную территориальную привязку, означает обретение территорией политической субъектности. При этом у политического региона как группы интересов географические границы могут быть очень размытыми, и сами эти интересы могут быть значимыми для очень разной части населения.

Мы условно называем этот подход политико-системным по той причине, что категория интереса наиболее типична для рационалистского направления в политологии, в соответствии с которым на основе рационально осознаваемых индивидами интересов происходит формирование политической системы. Данный подход хорошо соответствует и принципам структурализма [Hay, 2002]. Политико-системный подход к политической регионалистике сближает ее и с классической сравнительной политологией, которая много внимания уделяет политическим системам и группам интересов. Этот подход близок также к положениям теории рационального выбора. Применение теории рационального выбора в политической регионалистике возможно в виде рассмотрения обезличенных региональных политических систем, формирующихся на основе рационального социального поведения, продиктованного определенными интересами.

Таким образом, политико-системный подход рассматривает формирование политического региона вокруг определенных региональных интересов, разделяемых политически значимой частью определенным образом локализованных сообществ. Проводниками этих интересов могут быть и достаточно узкие группы элиты, но важно, чтобы они обладали возможностями для более массовой политической мобилизации. Рассмотрение региональных политических систем в связи с такого рода регионами является, в сущности, более корректным, чем в связи с административными единицами, где политическая система будет рассматриваться, прежде всего, как определенная организация публичной власти. В прикладных исследованиях важнейшим вопросом становится в таком случае выявление этих интересов, их проводников, распространения, значимости и т.п.

3. Политико-социологический подход

Для этого подхода ключевым регионообразующим фактором является идентичность. Он рассматривает локализованные сообщества с точки зрения наличия у них определенной территориальной идентичности, которая объединяет членов этого сообщества. Политизация региональной / локальной идентичности с выдвижением определенных требований политического характера приводит к появлению политического региона. В этом случае, как и в предыдущем, физические границы политических регионов могут быть размытыми, регионообразующие признаки проявляться в неполной мере, в зависимости от степени развития и характера политизации территориальной идентичности. Одни политические регионы могут накладываться на другие и, наоборот, возникать лакуны, для которых политизированные территориальные идентичности вообще не характерны (аналогичная по рисунку территориальная структура типична и для распространения региональных интересов). Выявление таких регионов требует проведения специальных социологических исследований.

Политико-социологический подход в политической регионалистике является родственным такому направлению в политологии, как конструктивизм. Этот подход в целом склонен к рассмотрению процессов формирования регионов «снизу», со стороны общества.

Последние два подхода являются наиболее важными при исследовании «реальной» политической субъектности, возникающей в случае развития и политизации региональных интересов и/или идентичностей, а не просто при проведении административных границ. Трудность состоит в выявлении таких регионов, их границ, степени их развития. Здесь невозможно обойтись без социологических методов, особенно при изучении идентичностей. По причине трудностей методологического характера политико-административный подход остается доминирующим в политической регионалистике, и к нему по-прежнему привязаны почти все исследования. Но он обязательно должен быть дополнен исследованием региональных интересов и идентичностей в границах изучаемой административной единицы, что позволит понять политический смысл региона.

Два последних подхода связаны с различными теоретическими направлениями в политической науке. Но вряд ли на этом основании целесообразно избегать сочетания политико-системного и политико-социологического подходов, которые могут дополнять друг друга и не являются несовместимыми. Процесс конструирования региональных идентичностей может включать в себя и формирование интересов, которые, как считают члены объединенного идентичностью сообщества, всем им присущи и за которые они готовы бороться. И с другой стороны, формирование региональных интересов может приводить к появлению достаточно больших сообществ, которые вырабатывают определенную региональную идентичность.

На наш взгляд, рассмотрение политических регионов с точки зрения властной юрисдикции, интереса или идентичности может проводиться и раздельно, в рамках избранного автором подхода, и совместно. Важно другое, а именно – более ясная операционализация самого

понятия «политический регион» для любого исследования, которое относится к предметному полю политической регионалистики.

ЛИТЕРАТУРА

Сравнительная политология сегодня / Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 537 с.

Бабурин В.Л., *Мазуров Ю.Л.* Географические основы управления. – М.: Дело, 2000. – 288 с.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 956 с.

Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. – М.: РОССПЭН, 2006. – 279 с.

Россия регионов: Трансформация политических режимов / Гельман В., Рыженков С., Бри М. (ред.). – М.: Весь Мир, 2000. – 376 с.

Гидденс Э. Устроение общества. Очерки теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.

Изард У. Методы регионального анализа: Введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966. – 660 с.

Колосов В.А., *Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 479 с.

Кузьмин А., *Мелвин Н.*, *Нечаев В.* Региональные политические режимы в постсоветской России: Опыт типологизации // Полис. – М., 2002. – № 3. – С. 142–155.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 287 с.

Медведев Н.П. Политическая регионалистика. – М.: Альфа-М, 2005. – 447 с.

Нечаев В. Региональные политические системы в постсоветской России // Pro et contra. – М., 2000. – Т. 5, № 1. – С. 80–95.

Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.

Туровский Р.Ф. Политическая география. – М.; Смоленск: Издательство СГУ, 1999. – 381 с.

Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2006. – 792 с.

Туровский Р.Ф. Центр и регионы: Проблемы политических отношений. – М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2007. – 400 с.

Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: К методологии анализа // Полис. – М., 2009. – № 2. – С. 77–95.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

Agnew J. Place and politics. The geographical mediation of state and society. – Boston: Allen and Unwin, 1987. – 267 p.

Almond G., *Verba S.* The civic culture. – Princeton: Princeton univ. press, 1963. – 562 p.

Althusius J. Politica methodice digesta // F.S. Carney (transl.); D.J. Elazar (introd.). – Indianapolis: Liberty press, 1995. – 238 p.

Bauer O. The Question of nationalities and social democracy. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 2000. – 494 p.

Dahl R.A. Federalism and the democratic process // NOMOS XXV: Liberal democracy / Pennock J.R., Chapman J.W. (eds.). – N.Y.: New York univ. press, 1983. – P. 95–108.

Elazar D.J. Exploring federalism. – Tuscaloosa: Univ. of Alabama press, 1991. – 335 p.

Elazar D.J. Political science, geography, and the spatial dimension of politics // Political geography. – Oxford, 1999. – Vol. 18, N 8. – P. 875–886.

Giddens A. The constitution of society. Outline of the theory of structuration. – Berkeley; L.A.: Univ. of California press, 1984. – 402 p.

Hay C. Political analysis. A critical introduction. – Houndmills; N.Y.: Palgrave, 2002. – 336 p.

Hooghe L., *Marks G.* Types of multi-level governance // European integration online papers (EIoP). – 2001. – Vol. 5, N 11. – Mode of access: http://eiop.or.at/eiop/texte/2001-011a.htm (Accessed on 22.08.2011.)

Jones M., *Jones R.*, *Woods M.* An introduction to political geography: Space, place and politics. – N.Y.: Routledge, 2004. – 202 p.

Keating M. The new regionalism in Western Europe: Territorial restructuring and political change. – Cheltenham: Edward Elgar, 1998. – 242 p.

King P. Federalism and federation. – Baltimore; L.: Johns Hopkins: Croom Helm, 1982. – 159 p.

Oates W.E. Fiscal federalism. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. – 256 p.

Rousseau M.O., *Zariski R.* Regionalism and regional devolution in comparative perspective. – N.Y.: Praeger publishers, 1987. – 292 p.

Turovsky R.F. The liberal and the authoritarian: How different are the Russian regions? // The politics of sub-national authoritarianism in Russia / V. Gel'man, C. Ross (eds.). – Ashgate: Farnham and Burlington, 2010. – P. 19–37.

КРИТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА: ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ И ОПЫТ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

В.А. КОЛОСОВ

Вот уже около двадцати лет геополитика остается в России одним из самых популярных научных терминов, широко используемых как в СМИ, так и в ряде общественных дисциплин. Под флагом геополитики выступают представители самого разного спектра дисциплин и направлений – от военно-стратегического анализа до науки о международных отношениях. Более того, геополитика преподается во многих университетах и других вузах на факультетах политологии и международных отношений, студентам исторических, географических, экономических и иных специальностей. Она занимает прочное место в учебных программах военных вузов. Не случайно полки отечественных книжных магазинов изобилуют учебными пособиями по геополитике, выпущенными не только в столицах, но и во многих региональных центрах.

Понятно, что между авторами учебников и других публикаций по геополитике нет согласия ни в определении ее содержания, ни в подходах и методах. Российская геополитика по-прежнему предстает весьма размытой предметной областью. В 1990-х годах она была почти монополизирована представителями левых и праворадикальных идеологических течений [Kolossov, Turovsky, 1999]. Они увидели в находившихся в советское время под запретом произведениях «классической» геополитики первой половины XX в. ключ к простому и почти не требующему специальных изысканий, расчетов и выкладок объяснению изменений на политической карте мира. Распад Советского Союза, многосторонний кризис переходного периода и потеря Россией былых позиций в мировой экономике и международных отношениях привели к появлению не иссякающего и поныне потока «алармистских» публикаций, предрекающих расчленение страны в результате заговора США и других западных держав, захват обезлюдевших дальневосточных и сибирских регионов Китаем и т.п. Практически во всех учебных пособиях многие десятки страниц посвящены повторяющемуся от издания к изданию изложению концепций Х. Мак-киндера, Р. Челлена, Н. Спикмена, К. Хаусхофера и других «отцов» геополитики первой половины прошлого века. Сторонники «классической» геополитики находят подкрепление в трудах современных западных консервативных авторов. Реакцией некоторых российских авторов на неопределенность предмета и «ненаучность» отечественной геополитики стало ее полное отрицание как современной и сколько-нибудь значимой дисциплины.

В настоящей работе я не ставлю перед собой задачу критического разбора вышедших в России трудов по геополитике. Этой теме уже было посвящено несколько содержательных трудов [см., например, Mäkinen, 2007; Soloviev, 2004; Tsygankov, 2002, 2003, 2004; O'Loughlin, Talbot, 2005]. Цель этой статьи – краткий анализ так называемой критической геополитики, уже вполне устоявшегося направления, завоевавшего значительный авторитет на Западе. В его рамках наконец более или менее четко сформулирован предмет геополитики, очерчен круг ее исследований и определена связь с другими социальными науками. Разумеется, было бы ошибочно видеть в критической политике новую догму, однако на ее счету, на мой взгляд, немало принципиальных достижений.

В то время как «классическая» геополитика чаще всего предстает набором умозрительных спекуляций, время от времени подкрепляемых «впечатляющими» цифрами, ее новые направления опираются на анализ больших массивов информации, анализируемой с помощью современных количественных методов. В новейших исследованиях, почему-то обойденных вниманием авторами российских учебников, удалось успешно преодолеть традиционный для «классической» геополитики разрыв между территориальными уровнями исследований.

Геополитика за рубежом: Эволюция теоретических подходов

В современной геополитике можно выделить несколько теоретических подходов. *Неоклассические* подходы основаны на традиционной идее геополитики первой половины XX в. об исторически предопределенном влиянии географического положения и других пространственных факторов на внешнюю политику государств, налагающих на нее неизбывные ограничения, о неизменности национальных интересов, которые могут быть надежно обеспечены только военно-политическими средствами. Еще Наполеон писал, что политика государства заключается в его географии. Государство остается для приверженцев этих подходов «черным ящиком», определенным образом реагирующим на внешние вызовы и выступающим на международной арене как единое целое. Соответственно, «национальные интересы» в понимании политической элиты на каждый исторический момент автоматически приписываются всей стране, всему населению. Внутренняя и внешняя политика по-прежнему полагаются разными и почти не связанными между собой сферами.

Однако в современных трудах, основанных на неоклассических подходах, конечно, уже давно не найти одиозного уподобления государства живому организму. Государственная территория и границы для нынешних авторов – данность. Разумеется, ушел в прошлое примитивный географический детерминизм. Особую роль играет политическая и военная значимость, характерные свойства и географическое положение ключевых территорий и акваторий – таких как проливы, порты, столицы и др., а также топливно-энергетических, минеральных, водных, природно-климатических и прочих ресурсов. Географические условия и положение определяют место страны на политической карте мира, предоставляют определенные возможности, но и порождают угрозы национальной безопасности [Mamadouh, 1999].

Естественно, неоклассические подходы эволюционировали по мере изменений на мировой политической сцене. В эпоху биполярного мира на первом плане стояла геополитика ядерного устрашения, а ныне все большее внимание уделяется глобальному потеплению климата, нехватке питьевой воды, «мягким» угрозам и т.д.

Уменьшение угрозы глобальной военной катастрофы, распад биполярного мира и наступление постиндустриальной эры подорвали популярность неоклассических подходов. Становилась все более ясной первостепенная значимость таких факторов внешнеполитического потенциала государства, как человеческий капитал, структура и конкурентоспособность национальной экономики, положение страны в глобальных сетевых структурах и «пространстве потоков» информации, капиталов, энергии, мигрантов. Уменьшение роли территориального фактора в его традиционных проявлениях и рост глобальной взаимозависимости привели к появлению новых направлений. На стыке неоклассической геополитики и других дисциплин родились *геоэкономика* (ее сторонники сделали акцент на экономическом соперничестве государств) и *экополитика*, изучающая связь между состоянием окружающей среды и геополитическими факторами.

Другое направление развития геополитики основывалось на стремлении сделать ее полноценной научной дисциплиной, имеющей собственный, четко очерченный объект исследований, систему категорий и закономерностей. В 1970-х годах был обоснован социальный генезис геополитических представлений: государства, политические партии, социальные и региональные группы населения в разных странах по-разному трактуют одни и те же географические данности и пытаются обосновать свои интересы с помощью геополитических теорий. Таким образом, у государства ныне нет монополии на разработку и распространение геополитических представлений. Нет и непреодолимого барьера в изучении внутренней и внешней политики, геополитики и политической географии. Геополитику стали называть *«конструктивной» или*

«активной» политической географией [Mamadouh, Dijkink, 2006]. Все больше внимание стали уделять картам.

В развитие этого подхода особенно большой вклад внесла группа французских географов, политологов и историков, сформировавшаяся вокруг основанного в 1976 г. Ивом Лакостом журнала «Геродот». Для Лакоста и его единомышленников объект геополитического анализа – политический конфликт любого уровня, субъекты которого могут иметь самую разную природу. Тем не менее значительная часть выпусков «Геродота» посвящена Франции и другим государствам – эволюции национальной идентичности, представлениям о национальных интересах и вовлеченности во внешние конфликты, в том числе под влиянием процессов интеграции и миграций. Французские авторы постоянно публикуют геополитические атласы, рассчитанные как на широкую аудиторию, так и на специалистов [см., например, Chaliand, 1993; Boniface, Védrine, 2009; Europe in the World, 2009 и др.]. Разработаны оригинальные сюжеты геополитических карт и способы картографирования, связанные со специфическими проекциями, анаморфированными изображениями и графическими образами пространства и взаимного расположения различных объектов, складывающимися в представлениях политиков, экспертов, социальных групп [Колосов, Тикунов, Заяц, 2000; Колосов, Тикунов, 2005].

В англоязычной литературе в тот же период (в конце 1970–1980-х годов) развернулась созвучная идеям французских авторов дискуссия о новой, «беспристрастной», научной геополитике, близкой к современной науке о международных отношениях [Brunn, Mingst, 1985]. Известные политико-географы П. Тейлор и Дж. О'Локлин предложили проводить различие между «практической» геополитикой, развиваемой политическими деятелями, и «формальной» геополитикой специалистов по международным отношениям. *Практическая геополитика* нуждается в аргументации для краткосрочных действий. Сложные теоретические построения ей ни к чему. Спрос – на упрощенные схемы, сводящие многообразие мира к легко объяснимому и понятному даже «человеку с улицы» конфликту между добром и злом, между «нами» и «ими». Задачи практической геополитики – определить государственные интересы, возможные внешние угрозы и сформулировать принципы политики, направленной на их предотвращение и обеспечение интересов – короче, геополитические коды страны.

Миссия *формальной геополитики* – критический разбор практической геополитики, а также разработка предложений по ее гуманизации. Претензии на возвращение геополитики в лоно географической науки стали протестом географов против использования и профанации географических знаний государственной бюрократией и в особенности военной машиной [Taylor, O'Loughlin, 1982].

На развитие западной геополитики в конце прошлого века большое влияние оказали идеи французских философов-постструктуралистов Ж. Дерриды и М. Фуко и английского географа Д. Харви. Они показали, что роль, восприятие и использование пространства отдельными людьми и социальными группами постоянно меняются в зависимости от социальной практики. В нее входит, в частности, политический дискурс, включающий общественно принятые способы видения и интерпретации окружающего мира, а также действия людей и институциональные формы организации общества, вытекающие из такого видения. Политический дискурс направлен на изменение или укрепление определенных социальных представлений, в том числе геополитических. Доказано, что дискурс играет большую роль в формировании политической карты и «территориальности» человека [Sack, 1986; Reordering the world, 1994; Dodds, 2001].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.